

чашиновым дешифровки знаков Майкопской надписи вытекает, что добавлялись почему-то знаки не для специфических абхазских фонем, но для таких, которые уже имели обозначение в протобиблском письме, и притом даже по несколько знаков; так, были добавлены h_k, p_k, w_k , хотя в протобиблском имелись уже h, p_1, p_2, w , или финикийская буква t , хотя в протобиблском имелось уже три знака для согласной фонемы t . Такое нецелесообразное добавление новых знаков оказывается совершенно необъяснимым. Что же касается детерминативов, то они в алфавитных системах письма вообще не употребляются.

О назначении памятника мы ничего не знаем, о нормах письма — тоже, поскольку то немногое, что нам известно относительно характера протобиблского письма, не соответствует тому, что наблюдается в Майкопской надписи, и предполагаемые нормы письма этой последней реконструированы Г. Ф. Турчаниновым *ad hoc*.

Вопрос об языке надписи, разумеется, остается при этих условиях открытым. Если позволить себе произвольно избирать порядок согласных, можно при известном трудолюбии получить осмысленную фразу на любом языке, в том числе и на абхазском, — ведь гласные при данной реконструкции характера письма можно подставить любые, а акустически близкие фонемы приходится обозначать одинаково и, наоборот, можно по-разному обозначать одну и ту же фонему. Надо заметить, что история абхазского языка нам совершенно не известна, и для реконструкции его состояния три — четыре тысячи лет назад пока имеется очень мало опорных данных, а ведь для интерпретации надписи как абхазской Г. Ф. Турчанинову пришлось бы доказать, что предлагаемые им чтения действительно были возможны на том этапе развития абхазского языка.

Несколько слов о датировке. Датировка протобиблских надписей неизвестна, так как ввиду низкого качества археологической работы при раскопках Библа слой, в котором найдены надписи, не установлен. Типологически же Майкопская надпись кажется очень ранней; я был бы склонен связывать ее с известной майкопской энеолитической культурой, которая во всяком случае намного древнее, чем протобиблская письменность. Культурные же связи энеолитического Майкопа с Передней Азией общезвестны.

В заключение надо сказать, что все изложенное заставляет смотреть на дешифровку Майкопской надписи, по крайней мере до тех пор, пока она остается единственной, как на дело безнадежное.

И. М. Дьяков⁰⁶

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ МАЙКОПСКОЙ ПЛИТЫ

(Письмо в редакцию *)

I

В газетах и журналах появляются информации и заметки о Майкопской плите с начертаниями. Авторы некоторых заметок, опираясь только на предварительное эпиграфическое заключение языковеда Г. Ф. Турчанинова (насколько оно обосновано, мы не беремся судить), утверждают, что знаки на Майкопской плите представляют собой «самую древнюю письменность на территории Советского Союза» и что независимо от результатов археологических раскопок, которые будут произведены на месте на-

* Одновременно с публикуемым выше откликом И. М. Дьяконова на статью Г. Ф. Турчанинова в ВДИ, 1965, № 3 редакция ВДИ получила настоящее письмо, которое еще не касается упомянутой публикации Г. Ф. Турчанинова на страницах ВДИ, а только предварительных сообщений на страницах периодической печати. — *Ред.*

ходки камня, возраст указанных знаков можно считать равным 32 столетиям¹. В других заметках² эта датировка оспаривается.

На месте обнаружения плиты еще в октябре 1964 г. были произведены раскопки. Они показали, что здесь некогда существовало меотское (древнеадыгское) поселение. Культурные отложения на этом поселении с наибольшей мощностью в 1,8 м состоят из трех хорошо различимых горизонтов, образовавшихся в разное время. Нижний горизонт датируется (по находкам привозных греческих амфор и чернолаковой посуды) концом IV века до н. э., средний и верхний — III веком до н. э.

В каком из этих горизонтов находилась Майкопская плита? Она была найдена при рытье ям для столбов забора. Контрольные траншеи, прорытые во время раскопок вдоль линии забора, удостоверили, что большинство столбов уходило в землю на глубину от 40 до 60 см, проникая в верхний и частично в средний горизонты культурных напластований. Полученные таким путем сведения позволяют думать, что плита с начертаниями была извлечена ее первооткрывателем Г. Вишневым либо из верхнего, либо из среднего горизонта отложений. И в том, и в другом случаях она, судя по археологическим находкам из этих горизонтов, может датироваться только III веком до н. э.

С подобной датировкой довольно хорошо согласуются и особенности породы самой плиты, которая в настоящее время хранится в Ленинградском музее антропологии и этнографии (под № 6550). Одна сторона этой плиты, лишенная знаков, отличается изрядной свежестью и голубоватым цветом. Боковые края указанной стороны почти не изношены. Поверхность со знаками имеет своего рода желтоватый цвет. Сравнительно сильная сглаженность ее краев — результат главным образом предварительной обработки этой плоскости перед нанесением на нее знаков. Плита состоит из двухслойного мелкозернистого, относительно легко разрушающегося песчаника. Так, с ее плоскостей, в том числе со знаковой, нетрудно сдуть массу песчинок, а если по ней провести пальцем, на нем остается множество частиц породы. При таких особенностях, Майкопская плита вряд ли могла, избегая воздействий разрушительных сил природы, держаться в культурном слое или на открытом воздухе в течение 3200 лет.

При раскопках из нижнего горизонта отложений было извлечено 12 крупно-, средне- и мелкозернистых песчаниковых плиток. Четыре из них имеют шлифованную поверхность и хорошую сохрannость. Остальные во влажных условиях отложений частично или полностью разложились. Поэтому Майкопская плита не может быть причислена к ним, она в условиях нижнего горизонта вполне могла бы разделить судьбу второй группы плиток. Своим спасением эта плита, по-видимому, обязана залеганию в менее влажных верхних горизонтах поселения и возрасту, который в археологическом отношении никак не может выходить за рамки III в. до н. э.

Итак, археологические данные и природа самой породы камня исключают возможность определения возраста Майкопской плиты в 32 века. Предельным археологическим ее возрастом может быть лишь цифра в 2200—2300 лет, т. е. возраст самого меотского поселения.

II

Для большего удревнения начертаний на Майкопской плите и для доказательства кавказской этнической принадлежности столь древних знаков, конечно, имеется, возможность подобрать ряд косвенных легендарных свидетельств. Можно сослаться, в частности, на сообщение поэта III в. до н. э. Аполлония Родосского, автора поэмы «Поход аргонавтов» (по мнению некоторых исследователей, древнейшее ядро сказа-

¹ «Информация, которой 3200 лет», «Советская Кубань», 31 января 1965 г. (та же информация АПН опубликована во многих газетах Советского Союза).

² Е. И. Крунов, О загадочной Майкопской надписи, ВИ, 1964, № 8; П. Аулев, 32 ли века Майкопской плите?, «Адыгейская правда», 25 марта 1965 г.; Е. И. Крунов, Ответ Г. Ф. Турчанинову, ВИ, 1965, № 4.

ний об аргонавтах сложилось в IX в. до н. э.), о том, что колхи «сохраняют сделанные на табличках записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников»³. Однако в примечании к этим словам Л. А. Ельницкий указывал, что «записи отцов», которые надо представлять себе в виде перипла или схематической карты, навеяны преданиями не столько о колхах, сколько о египтянах»⁴.

Другим косвенным мифологическим свидетельством глубокой древности начертаний на Майкопской плите мог бы служить отрывок из абхазского варианта нартского эпоса, повествующий о былом знакомстве творцов этого эпоса с какой-то письменностью на камнях, впоследствии забытой народом.

«Усадьбы у нартов за каменной были оградой,
Украшенной тонкой словесной резьбой.
Тех надписей странен язык неизвестный,
И тайны словесной
Еще не раскрыли ни свой, ни чужой»⁵.

Но и этот отрывок в связи с невозможностью определить относительное время создания сказания, из которого он извлечен, мало что дает для обсуждаемой темы.

Его с успехом можно датировать, в соответствии с датировкой всего эпоса, как I тысячелетием до н. э., так и II тысячелетием н. э.

На бакинской сессии 1965 г., посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г., сторонники удревления знаков на Майкопской плите пытались отстать версию, согласно которой Майкопская плита якобы могла быть перенесена с памятника XIII—XII вв. до н. э., на поселение III в. до н. э. Но подобная версия открывает простор любым произвольным догадкам.

Перечисленные же косвенные свидетельства и соображения, несмотря на внешнюю привлекательность, все же по своей доказательности далеко не равноценны прямым археологическим фактам и сведениям о природе самой плиты.

Майкопская плита	Дегуакская скала	Ольгинская плита
∩	∩	∩
×	×	×
∩×		∩×
∩	∩	∩
∩→	∩→	∩↑
∩	-	∩
Ш	Ш	
У		У
≠	≠	

III

В связи с дискуссией, развернувшейся вокруг Майкопской плиты, нельзя не вспомнить о старых находках начала XX в., принадлежащих Е. Д. Фелицыну и А. А. Миллеру. «В пяти верстах от ст. Даховской (Кубанского края.-Л. А.)—писал Е. Д. Фелицын,— по правую сторону р. Дегуако, на обрывистой скале горного хребта, замыкающего собой обширную Дегуакскую поляну с многочисленным на ней кладбищем дольменов, я отыскал загадочные начертания, сделанные каким-то острым орудием в глубь камня и расположенные в семи группах, находящиеся близко одна около другой»⁶.

³ ВДИ, 1947, № 3, стр. 285.

⁴ Там же, прим. 6.

⁵ «Приключения нарта Сасырквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос», 1962, стр. 50.

⁶ Е. Д. Ф е л и ц ы н., Западно-Кавказские дольмены, МАК, вып. IX, 1904, стр. 38.

Среди этих начертаний есть 6 знаков (из 29), почти полностью повторяющих соответствующие знаки на Майкопской плите (см. табл.). Имея в виду возраст обнаруженных начертаний, Е. Д. Фелицын спрашивал, не принадлежат ли они строителям дегуакских дольменов⁷. Но на Дегуакской поляне, кроме дольменов X—XI вв. до н. э., имеются также многочисленные черкесские средневековые курганы. Поэтому можно поставить вопрос и о принадлежности дегуакских начертаний людям, оставившим средневековые курганы.

Некоторым знакам на Майкопской плите можно найти аналогии в восьми (из 21) знаках с большой каменной плиты (см. табл.), обнаруженной А. А. Миллером в 1907 г. около одного из курганов в юрте села Ольгинского, между Туапсе и Ново-Михайловкой⁸. Курган, из насыпи которого происходит данная плита, относится к тем, которые были, по мнению А. А. Миллера, сооружены «до времени распространения у черкесов магометанства»⁹.

Не полезнее ли было бы попытаться сопоставить известные нам археологические факты, чем обращаться к надуманным предположениям о перенесении плиты с более древнего памятника на более позднее поселение?

П. У. Аутлес

⁷ Там же.

⁸ А. М и л л е р. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., ИАК, вып. 33, 1909, стр. 100—101, рис. 32.

⁹ Там же, стр. 72.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ КЛИНОПИСИ

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
СТРУВЕ

Имеющий длительную историю вопрос о происхождении и времени введения древнеперсидской клинописи продолжает оживленно обсуждаться в специальной литературе. В обсуждении этого сложного вопроса приняли участие крупнейшие специалисты зарубежной (Ф. Вейсбах, Э. Херцфельд, Р. Кент, Г. Шедер, В. Хинц, В. Бранденштейн и др.) и отечественной науки (А. А. Фрейман, В. В. Струве, И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев и др.). Здесь нет необходимости останавливаться на обширной литературе, посвященной проблеме древнеперсидской письменности: обстоятельный обзор этой литературы с критическим рассмотрением существующих точек зрения сделан недавно М. А. Дандамаевым¹. Сопоставив имеющиеся в литературе данные, М. А. Дандамаев присоединился к высказанному рядом ученых мнению, что древнеперсидская клинопись начала употребляться только при Дарии I и что первым памятником этого

¹ М. А. Д а н д а м а е в, Проблема древнеперсидской письменности, ЭВ, XV, 1963, стр. 24—35; он же. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.), М., 1963, стр. 32—60. К приведенной в работах М. А. Дандамаева литературе следует добавить: J. L e v i, The Problems Inherent in Section 70 of the Bisutum Inscription, «Hebrew Union College Annual» (Cincinnati), 25, 1954, стр. 169 сл.; J. K u r y l o w i c z, Zur altpersischen Keilschrift, в кн.: J. K u r y l o w i c z, Esquisses linguistiques («Polska Akademia Nauk. Komitet językoznawczy Prace językoznawcze», 19), Wrocław — Kraków, 1960, стр. 274—280.